

Г. К. Михайлов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Институт научно-технической информации РАН

Аннотация. Автор вспоминает о своей переписке с двумя находившимися в эмиграции русскими учеными – Д.П.Рябушинским (1882–1962) и С.П.Тимошенко (1878–1972), об академике Н.И.Мусхелишвили (1891–1976), о личных контактах с академиком Л.И.Седовым (1907–1999), о своей бурной общественной деятельности в Институте механики Академии наук СССР в конце 50-х – начале 60-х годов и о драматической судьбе своей докторской диссертации в Московском и Ленинградском университетах.

Ключевые слова: гидродинамика, упругость, история механики, космонавтика

УДК: 539.374

О начале моей переписке с иностранными учеными (К переписке с Д. П. Рябушинским и С. П. Тимошенко)

Как известно, советские ученые были лишены в 1940-х годах права переписки с иностранными коллегами. Лишь в марте 1955 г. директора академических институтов получили официальное разрешение на пересылку за рубеж опубликованной в СССР научной литературы. При этом книги должны были пересылаться не непосредственно по почте, а направляться с официальным письмом, подтверждающим отсутствие в них сведений, нежелательных для оглашения за рубежом, в Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР. При этой библиотеке был создан специальный отдел, осуществлявший пересылку литературы за границу. В том же году научным сотрудникам Академии наук была особым постановлением разрешена личная переписка с иностранными учеными, однако каждое такое письмо должно было просматриваться и визироваться директором академического института по принадлежности и направляться администрацией института в открытом виде с соответствующим сопроводительным письмом в ту же Фундаментальную библиотеку, где осуществлялся контроль и конвертование всех писем. Лишь в феврале 1967 г. сотрудникам Академии наук разрешили переписку с зарубежными коллегами непосредственно по почте, но инструкция строго ограничивала содержание такой переписки восемью пунктами: оттиски и находящиеся в свободной продаже книги, просьбы о присылке оттисков и зарубежной научной литературы, поздравления к юбилеям и в связи с награждениями, благодарности за поздравления, а также за присылку книг и оказанный за рубежом прием, запросы статей и рецензий для академических журналов. Письма, касающиеся всех остальных вопросов (например, зарубежных поездок, участия в издании зарубежных журналов и пр.), должны

Поступила 12.12.2008

были по-прежнему согласовываться с администрацией институтов или других академических инстанций¹.

В 1955 г. в “Известиях” Академии наук СССР вышла моя первая статья по истории механики, и я не преминул послать ее выдающимся русским ученым-эмигрантам Дмитрию Павловичу Рябушинскому (1882–1962) и Степану Прокофьевичу Тимошенко (1878–1972), от которых я получил тотчас же благодарственные ответы, послужившие началом последующей переписки.

Несколько слов о выдающемся гидроаэродинамике и основателе знаменитого подмосковного Кучинского аэродинамического института (1904), члене-корреспонденте Парижской Академии наук Д.П.Рябушинском.

В 1918 г. он озаботился национализацией своего Кучинского аэродинамического института. Осенью того же года ему удалось, с большим трудом и при активной поддержке Российской Академии наук, получить официальное разрешение на выезд в заграничную научную командировку. Перед отъездом он был ненадолго арестован и, не будучи уверен в сохранении жизни, составил научное завещание с напутствием о дальнейшем развитии работ в Кучинском институте. Из командировки он, естественно, уже больше не вернулся и поселился навсегда в Париже.

Однако Д.П.Рябушинский оставался в течение всей жизни горячим патриотом своей Родины. В 1945 г., в связи с широко проводившимися торжествами по случаю 220-летия Академии наук СССР, Д.П.Рябушинский переслал в дар Академии большую фотографию обнаруженного им во французских архивах подлинного письма Петра Великого Парижской Академии наук². Свою сопроводительную записку президенту Академии наук он завершил следующими словами: “За 27 лет пребывания вне пределов нашей Родины, я неизменно преследовал две цели: I – участие, по мере моих сил, в увеличении русского вклада в мировую науку, II – хранение, отстаивание значения и содействие увеличению, несмотря ни на какую преходящую обстановку, наших отечественных культурных ценностей”.

Наряду с собственно научной и педагогической деятельностью, Д.П.Рябушинский участвовал и в общекультурной жизни русской эмиграции. Так, он был президентом Русского общества философии науки и Ассоциации по сохранению русских культурных ценностей за рубежом. Будучи патриотом России, он активно работал в этой ассоциации до последних дней жизни, поскольку считал весьма важной основную ее задачу – просмотр безнадзорных архивов распадающихся русских семей и отбор ценных материалов с целью подготовки их для передачи в официальные архивы, преимущественно голландские, которые считались тогда более надежными. Овдовев в 1952 г., Рябушинский жил последние годы очень одиноко, много сил отдавая этой деятельности. Когда я, – единственный из граждан СССР, – посетил Рябушинского (в марте 1960 года) в его расположенной в бельэтаже квартире в 15-м квартале Парижа, я нашел все кресла в комнатах заваленными папками с подлежащими разбору бумагами.

¹Любопытно, что приведенные здесь сведения о порядке сношения советских ученых с иностранцами я видел опубликованными только в предисловии к изданной в Германии переписке нашего выдающегося историка науки А.П.Юшкевича с его немецким коллегой К.Фогелем, начавшейся именно в 1955 г. (Мюнхен, 1997).

²Присланная Д.П.Рябушинским фотография, наряду с прочими раритетами, украшала в течение долгих лет кабинет директора Архива Академии наук СССР Г.А.Князева (1887–1969) в Ленинграде.

Те годы были периодом триумфа советской космонавтики, и Д.П.Рябушинский гордился достижениями своей родины. На мой вопрос о том, не хотел бы он ее посетить на склоне лет, Рябушинский ответил отрицательно. “Во-первых, я не французский подданный, а лицо без гражданства, что ставит меня в двусмысленное положение, – с грустью сказал он. – А, во-вторых, последние мои родственники в России погибли, по-видимому, еще в 20-х годах, и мне было бы тяжело увидеть еще раз ставшие чужими места, которые дороги моей памяти”.

В 1963 г. в Тбилиси предполагалось провести Международный симпозиум по приложениям теории функций в механике сплошной среды, и, участвуя в его организации, я подготовил запрос о приглашении на него Рябушинского. Но это оказалось запоздалым актом. Дмитрий Павлович скончался в Париже 27 августа 1962 г., не дожив двух месяцев до своего восьмидесятилетия. Прах его покоится на знаменитом русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, неподалеку от построенного там Альбертом Александровичем Бенуа (1888–1960) храма, в окружении могил многих выдающихся сынов русского народа.

Судьба научного наследия Д.П.Рябушинского в нашей стране достойна сожаления. Кучинский институт был загублен, а имя Дмитрия Павловича было на протяжении десятков лет под запретом. И только выдающийся историк космонавтики Н.А.Рынин (1877–1942) успел включить в 1929 г. обзор трудов Рябушинского по интересовавшей его тематике во второй том своей замечательной энциклопедии “Межпланетные сообщения”.

В 1950 г. на широкий экран советского кино был выпущен художественный фильм “Жуковский”, в котором Д.П.Рябушинский был представлен попросту в оскорбительном свете. (Дмитрий Павлович говорил мне, что он отказался смотреть этот удостоенный первой премии на Карловарском фестивале и демонстрировавшийся за рубежом фильм, равно как и не уступил советам друзей подать в суд на авторов фильма.) И даже некролог Рябушинского, опубликованный в 1962 г. в “Докладах” Парижской Академии наук, был изъят цензурой из печатавшегося тогда в СССР репринтного издания этого журнала.

Моя попытка отметить в 1982 г. столетие со дня рождения Д.П.Рябушинского в отечественной литературе не увенчалась успехом. Желание хотя бы депонировать юбилейную статью было также отклонено всемогущим Главлитом. “Спасло” статью только личное знакомство директора Института проблем механики АН СССР академика А.Ю.Ишлинского с одним из руководителей этого ведомства, с которым Александр Юльевич часто играл в шахматы, отдыхая в правительственном санатории. В ответ на звонок по “кремлевскому” телефону, который имелся тогда в кабинете у Ишлинского, как у депутата Верховного Совета СССР, этот деятель разрешил депонировать статью, ... но ни в коем случае не к 100-летию, а лишь “просто так” – на следующий год. Уже после “перестройки” статья эта была перепечатана, в слегка переработанной и снабженной фотографиями форме, в 1991 г. в “Вестнике” АН СССР, а затем в сильно расширенном виде в “Вопросах истории естествознания и техники” (2005, № 3).

В 1990-х годах ситуация в России изменилась, появилось много статей и книг, посвященных династии Рябушинских и отдельным ее представителям. В сентябре 1994 г. были проведены международные торжества по случаю 90-летия Кучинского Аэродинамического института, на которые были приглашены потомки Дмитрия Павловича; в 2002 г. Центральный Дом ученых Российской Академии

наук провел торжественное заседание, приуроченное к 120-летию со дня рождения Д.П.Рябушинского; в сентябре 2004 г. в Научно-мемориальном музее Н.Е.Жуковского состоялось организованное при участии ряда ведущих научных учреждений страны “Торжественное заседание, посвященное 100-летию создания Аэродинамического института Д.П.Рябушинского в Кучино”; в 2006 г. была организована лекция о Д.П.Рябушинском в Институте механики МГУ им. М.В.Ломоносова, в рамках цикла “Выдающиеся ученые - математики и механики” (на всех этих мероприятиях я выступал с юбилейными докладами).

Сегодня имя выдающегося русского ученого Дмитрия Павловича Рябушинского полностью возвращено его родине. Обсуждался и вопрос о передаче России находящихся во Франции остатков его личного архива. Эти бумаги находятся у его правнука князя Степана Георгиевича Белосельского-Белозерского. Я ознакомился с ними на месте в 2004 и 2005 г., но они оказались отражающими лишь небольшую часть жизни и деятельности Д.П.Рябушинского и находящимися, к тому же, в плачевном состоянии. Так или иначе, Российская Академия наук готова принять все эти документы на вечное хранение в своем Архиве.

О моей, начавшейся в 1955 г. переписке со Степаном Прокофьевичем Тимошенко писать здесь подробно не буду, так как она подробно отражена в моем “Послесловии” к готовящемуся новому изданию “Воспоминаний” С.П.Тимошенко (надеюсь, что они будут, наконец, выпущены в свет в этом году издательством “Вузовская книга”). Отмечу только, что в июне 1958 г. С.П.Тимошенко совершил, в качестве частного лица, свою первую поездку в СССР. Приехав в Москву и не получив еще номера в “Метрополе”, он позвонил мне сразу же из гостиничного бюро “Интуриста” и выразил пожелание немедленно посетить Институт механики АН СССР, чем поставил меня в крайне затруднительное положение. Посещение иностранцем, да еще “белоэмигрантом”, академического института требовало обязательного разрешения отдела науки ЦК КПСС. Под благовидным предлогом я уклонился от немедленной встречи и, согласовав вопрос с директором института членом-корреспондентом АН СССР А.А.Ильюшиным, отправился вечером в гостиницу вместе с двумя другими членами-корреспондентами Академии – В.З.Власовым и В.В.Соколовским. Благодаря тому, что Степан Прокофьевич обратился по приезду в Москву сначала именно ко мне, я оказался его сопровождающим на все дни его пребывания в городе. Впоследствии С.П.Тимошенко опубликовал в Париже свои “Воспоминания” (1963), которые безуспешно пытался мне переслать (их неукоснительно задерживала цензура). В 1964 г. я все же получил на одну ночь книгу от украинского академика Г.Н.Савина (которому ее подарил в Мюнхене сам Тимошенко). В целом очень интересные “Воспоминания” вызвали тогда у советских ученых острую реакцию в связи с резкой антисоветской направленностью отдельных комментариев автора. Я был, в частности, искренне возмущен тем, как он квалифицировал мою роль при нем во время его посещения Москвы. “Про себя я решил, – писал он, – что он [т.е. я – Г.М.] должно быть был представителем коммунистической партии” (кстати, я даже не был тогда коммунистом). В сентябре 1964 г. я написал Степану Прокофьевичу длинное письмо, в котором высказал ему все свои чувства. Естественно, было бессмысленно согласовывать это письмо с директором Института механики, и я попросту опустил его в почтовый ящик, вопреки действовавшей тогда инструкции. Мало надеясь на то, что письмо дойдет до адресата и еще меньше на то, что он мне ответит, я получил

вскоре “примирительное” письмо от С.П.Тимошенко, после которого наша переписка продолжилась.

В декабрьском выпуске “Известий АН СССР” по Отделению технических наук была опубликована небольшая статья, приуроченная к 80-летию С.П.Тимошенко, чему он был приятно удивлен (писали мы эту статью с А.И.Лурье). Я подготовил тогда также приветственный адрес Степану Прокофьевичу от имени Академии наук СССР, получив одобрение на текст адреса от президента Академии академика А.Н.Несмеянова. Адрес был красиво набран золотым шрифтом в академической типографии, но в последний момент президент его не подписал, и Академия ограничилась лишь приветственной телеграммой (по-видимому, “директивные органы” не одобрили посылки приветственного адреса “белоэмигранту”, хотя он и был великим ученым и патриотом).

Не останавливаясь на остальном, отсылаю читателя к упомянутому мной выше “Послесловию” к предстоящему изданию “Воспоминаний” Степана Прокофьевича, где будут опубликованы и некоторые письма из моей с ним переписки.

О Николае Ивановиче Мусхелишвили

В 1956 году права Академии наук СССР на прямое международное сотрудничество были существенно расширены, и Академия вошла через созданные при ней для этой цели национальные комитеты в ряд ведущих международных научных организаций. В связи с этим был учрежден и Национальный комитет СССР по теоретической и прикладной механике, первым председателем которого по инициативе группы членов Академии, в которую входили, в частности, М.В.Келдыш и М.А.Лаврентьев, был избран Николай Иванович Мусхелишвили. Мне посчастливилось сотрудничать с Николаем Ивановичем при создании и в последующей работе этого комитета в качестве ученого секретаря на протяжении двадцати лет³. Национальный комитет по механике был с самого начала задуман как полностью самоуправляющаяся организация ведущих ученых-механиков страны, основанная на выборности ее членов и всего руководства. Освященная авторитетом Николая Ивановича, традиция эта сохранилась и до наших дней, хотя все остальные созданные в конце 50-х годов национальные комитеты прекратили свое существование или переродились в чисто административные органы при соответствующих Отделениях Академии наук. Быть членом основанного Николаем Ивановичем Мусхелишвили Национального комитета по механике – до сих пор высокая честь, которой добиваются многие ученые-механики страны, и если первоначально в составе Комитета было всего 48 человек, то сейчас в него входят свыше 350 ученых.

Комитет с самого своего основания развил под руководством Николая Ивановича большую международную и внутрисоюзную деятельность. В 1956 г. комитет вступил в Международный союз теоретической и прикладной механики (ИЮТАМ), и Н.И. был избран в состав Бюро ИЮТАМа. Возглавив в 1956 г. первую небольшую советскую делегацию на IX Международный конгресс по механике в Брюсселе, Н.И. озабочился подготовкой представительной делегации на следующий, X Международный конгресс по механике, который состоялся в 1960 г. в Стресе (Северная Италия). Одновременно, под непосредственным руководством Н.И., был созван первый Всесоюзный съезд

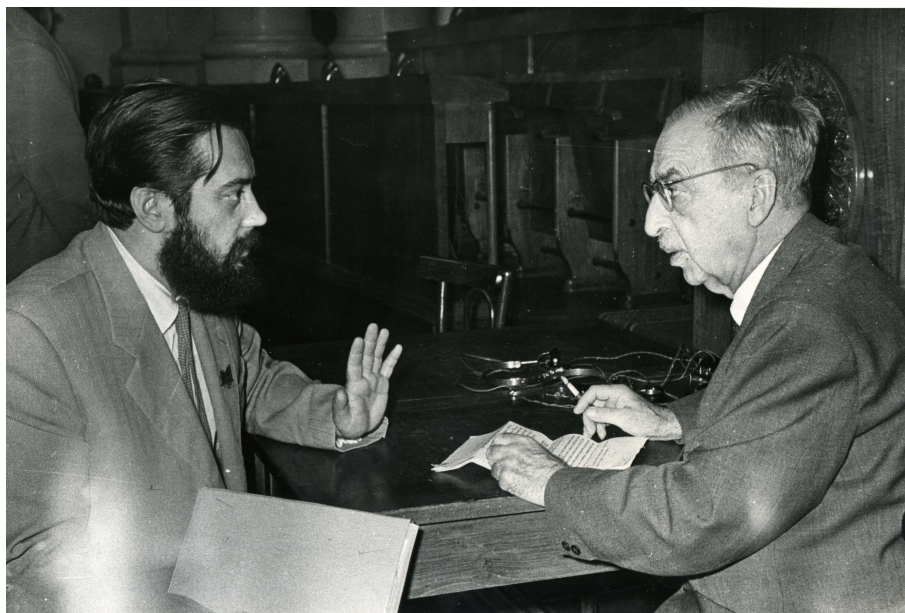
³Первоначально меня рекомендовал Николаю Ивановичу член-корреспондент АН СССР В.В.Соколовский, знавший меня по работе в иностранной комиссии ученого совета Института механики АН СССР, в которой я также был ученым секретарем.

по теоретической и прикладной механике (Москва, 27.01–03.02.1960). В работе съезда приняли участие свыше 2000 наших ученых, преподавателей и инженеров, а также иностранные гости из 10 зарубежных стран, включая таких крупных ученых как Го Юн-хуай, В.Т.Койтер, В.Новацкий, В.Ольшак, В.Прагер, М.Руа, Н.Хофф. Вспоминаю (со слов Н.И.) относящийся к этому съезду случай, связанный с получением санкции “директивных органов” на приглашение иностранцев. Николай Иванович отправился на прием к ведавшему тогда этими вопросами секретарю ЦК КПСС Н.А.Мухитдинову. Последовал стандартный вопрос: “А что это даст нашей стране?”. По заведенной бюрократической традиции следовало представить надуманное пространное обоснование экономической целесообразности вносимого предложения. Но Н.И. ошеломил ответственного собеседника нестандартным ответом, сказав, что это, в общем-то, ничего конкретного не даст, но ученые должны общаться, и так принято в цивилизованном мире. Санкция была получена.

Благодаря последовательности и энергии Н.И. в 1964 и 1968 гг. в Москве были проведены два следующих всесоюзных съезда по механике, в работе последнего из которых приняли участие около 7000 человек, и в те же годы представительные советские делегации выезжали на международные конгрессы по механике в Мюнхен и Стэнфорд (США). В 1972 г. XIII Международный конгресс по механике был проведен по предложению Н.И. в Москве. IV Всесоюзный съезд по механике состоялся через четыре года в 1976 г. в Киеве. По состоянию здоровья Н.И. не смог уже на нем присутствовать и был избран, по инициативе участников съезда, его почетным председателем.

Научный авторитет Николая Ивановича был чрезвычайно высок как у нас в стране, так и за рубежом. Там его труды стали особенно широко известны благодаря опубликованному в Нидерландах в 1953 г. английскому переводу двух его классических монографий – по математической теории упругости и по сингулярным интегральным уравнениям. Перевод этот был выполнен австралийским профессором Райнером Радоком, специально изучившим для этого русский язык. Впоследствии он стал частым гостем Николая Ивановича и нашей страны. Начиная с конца 40-х годов, Н.И. стал сравнительно часто выезжать за границу, и благодаря его личному обаянию и владению европейскими языками (особенно французским) у него появился широкий круг личных зарубежных связей.

В 1961 г. Николаю Ивановичу исполнилось 70 лет. Было решено посвятить этой юбилейной дате международный сборник научных работ по проблемам механики сплошной среды. В то время это было у нас еще в новинку. Принять участие в сборнике выразили согласие ведущие ученые нашей страны, а также Австралии, Великобритании, Индии, Италии, Китая, Нидерландов, Польши, США и Швеции. По инициативе профессора Р.Радока, поддержанной ответственным редактором сборника академиком М.А.Лаврентьевым, книгу было решено издать параллельно и на английском языке в США. Дело не обошлось без затруднений. Статьи для сборника были заказаны в конце 1959 года, и весной 1960 года все они были пересланы мною для перевода в США. Но 1 мая 1960 г. над территорией СССР был сбит американский самолет-разведчик, и через несколько дней после этого начальник Управления внешних сношений АН СССР С.Г.Корнеев вызвал меня для выяснения того, на каком основании я переслал весь сборник в США (хотя разрешения на пересылку каждой отдельной статьи и были мною оформлены через Главлит).

Г. К. Михайлов и Н. И. Мусхелишвили (Тбилиси, 1963 г.)

Ссылки на устное согласование вопроса М.А.Лаврентьевым в “директивных органах” его не удовлетворили, а рукопись сборника уже находилась в Америке. К счастью, именно в этот момент М.А.Лаврентьев находился в Москве, и я буквально перехватил его на пороге здания Президиума Академии наук. На мой вопрос о том, не пора ли мне уже “сушить сухари”, М.А. вполне серьезно ответил: “Пожалуй, не стоит”. Пользовавшийся тогда высоким авторитетом “в верхах” М.А., по-видимому, без труда урегулировал этот вопрос. Но к осени возникли трудности с другой стороны. Посланная мною в КНР английская верстка статей китайских авторов не возвращалась, несмотря на повторные письменные напоминания и телеграммы. Наконец, уже в начале 1961 года я получил короткую телеграмму от лидера китайских ученых-механиков Цянь Сюэ-сяня, бывшего ранее одним из ведущих научных консультантов-ракетчиков США. Телеграмма гласила, что статьи китайских авторов не могут быть напечатаны в Америке. Но сборник к этому времени уже был готов, как на русском, так и на английском языке, и, что наиболее примечательно, оба варианта сборника – русский и английский – были вручены юбиляру одновременно в день его рождения на торжественном собрании в Тбилиси. Вторую, концертную часть этого собрания вел Ираклий Андроников.

В известном смысле продолжением этих юбилейных торжеств явился проведенный в Тбилиси в 1963 г. Международный симпозиум ИЮТАМа по приложениям теории функций в механике сплошной среды. Принимая решение об организации этого симпозиума именно в Тбилиси, Международный союз признал исключительную роль возглавлявшейся Н.И.Мусхелишвили грузинской математической школы в развитии этой области науки. Среди генеральных докладчиков симпозиума были М.В.Келдыш, В.Т.Койтер (Нидерланды), Н.И.Мусхелишвили, Л.И.Седов и И.Н.Снеддон (Шотландия). Имена этих ученых, каждый из которых является членом нескольких национальных академий наук, говорят сами за себя.

К 80-летию Н.И.Мусхелишвили международная научная общественность подготовила еще один юбилейный сборник в его честь, в котором приняли участие, помимо представителей перечисленных выше стран, также ученые Болгарии, обеих Германий, Дании, Румынии и Франции, а в Тбилиси было проведено грандиозное, едва ли не единственное в своем роде, чествование ученого в незадолго перед тем открытом зале Грузинской филармонии. Николай Иванович сидел в зале в почетном ряду между президентом АН СССР М.В.Келдышем и первым секретарем ЦК Компартии Грузии В.П.Мжаванадзе.

Несмотря на всемирное признание, Н.И.Мусхелишвили отличался исключительной скромностью и не придавал особого значения внешнему блеску. Так, будучи президентом Грузинской Академии наук, он ездил на “Волге”, не желая использовать предлагавшуюся ему тогда более представительную машину. Он объяснял это тем, что обычной “Волги” ему совершенно достаточно, а другая машина может вызвать только ненужную зависть у недоброжелателей. Вспоминаю совершенно курьезный случай. Я заехал к Н.И. в гостиницу “Москва”, где он всегда останавливался, приезжая в столицу. Вскоре он должен был ехать в Президиум АН СССР, куда собирался и я. “Если Вы с машиной, то я поеду с Вами”, – говорит Н.И. “Но я на старом маленьком ‘Запорожце’, на котором Вам едва ли удобно и прилично ехать”, – возражаю я. “Не имеет значения”, – парирует Н.И., и мы едем. Подъезжая к главному зданию Президиума, вижу группу грузинских ученых (может быть, ожидающих Н.И.). Они видят в лобовое стекло Николая Ивановича и сначала делают решительное движение к нашей машине. Тем временем дверь “Запорожца” открывается, и Н.И. с большим трудом начинает выбираться из автомобильчика. Грузинская группа стушевывается, в полном смущении от этой сцены, делает вид, что она Мусхелишвили не заметила, и ретируется в сторону от подъезда.

Николай Иванович обладал исключительным тактом и авторитетом, что обеспечивало обычно на всех проводимых им заседаниях спокойную деловую обстановку. Вопросы, находящиеся в его личной компетенции, он решал всегда сам четко и быстро. Если же какой-либо организационный вопрос оказывался неподготовленным и вызывал бурные споры, Н.И. не стеснялся обращаться тут же за советом и помощью к “начальству”. Так, однажды, на заседании президиума Национального комитета по механике возник острый спор о возможности реализации одного из обсуждавшихся предложений. Молча выслушав спорящих, Н.И. снял трубку телефона, попросил его соединить с М.В.Келдышем, который был в то время президентом АН СССР, и обратился к нему: “Слава [так он его звал], у нас здесь возникла проблема ...”. Вопрос был мгновенно решен. В другой раз, в Тбилиси, в президентском кабинете у Н.И. возник очень горячий спор о размещении советских и иностранных участников проводившегося Николаем Ивановичем в 1963 г. международного симпозиума. Академик-секретарь Грузинской Академии наук С.В.Дурмишидзе убеждал, что, ввиду недостатка гостиничного фонда города, всех иностранных участников симпозиума надо расселить в одной привилегированной гостинице, а всех советских участников – в других гостиницах. Против этого категорически возражал я, как ученый секретарь оргкомитета симпозиума, считая, что это как этически, так и политически неприемлемо. Точно так же, молча, Н.И. снял трубку местного правительственного телефона и, обращаясь к первому секретарю ЦК Компартии Грузии В.П.Мжаванадзе, сказал, что престиж мероприятия требует выделения некоторого дополнительного количества мест в сверхперегруженной

интуристовской гостинице. Соответствующая гарантия была сразу же получена, и небольшая часть советских ученых была размещена вместе с иностранцами. В обоих приведенных случаях решающим фактором был личный авторитет Николая Ивановича, который старался редко обременять руководство сложными вопросами.

Распространившееся позже среди ученого руководства стремление “числиться” во многих комитетах, советах и комиссиях, не принимая практически никакого участия в их работе, не коснулось Николая Ивановича. В Тбилиси он возглавлял созданные при его ближайшем участии Грузинскую Академию наук и Тбилисский математический институт, а в Москву приезжал обычно на заседания президиума АН СССР и президиума нашего Национального комитета. При всей своей занятости, как в Тбилиси, так и в Москве, Н.И. никогда не поручал никому ответственных дел Национального комитета и неукоснительно председательствовал во всех заседаниях его президиума. С другой стороны, его отличало отсутствие мелочной опеки своих помощников и полное доверие к ним, после того как они проходили некоторый “испытательный срок”. Так, после обсуждения каких-либо дел комитета в самых общих чертах, он полностью доверял мне их дальнейшее согласование от его имени (включая, фактически, подделку его подписи). В связи с этим вспоминаю случай, когда Л.И.Седов попросил меня обратиться с письмом по интересующему его, но несколько щепетильному вопросу непосредственно от имени Н.И., сославшись на то, что ему известно, что Н.И. мне такие действия разрешает. На это мне пришлось возразить, что Н.И. мне именно потому и доверяет, что я никогда не позволяю себе делать то, что, с моей точки зрения, он мог бы не поддержать. Любопытно, что это доверие распространялось и на неформальные дела. Так, на проходившем в 1963 г. в Тбилиси Международном симпозиуме ИЮТАМа Н.И. возглавлял небольшой его научный комитет, включавший крупнейших зарубежных ученых. Давая обед в честь членов этого комитета у себя дома, Н.И. поручил мне быть за столом “тамадой”, что было высокой честью, но и трудной обязанностью, так как требовало не только бойкого произнесения на английском языке витиеватых тостов в грузинском стиле, но и установления очередности, в которой надо величать всех гостей. В 1990 году я был в Шотландии в гостях у И.Н.Снеддона, с которым мы с теплотой вспоминали этот, состоявшийся за четверть века до того, обед у незабвенного Николая Ивановича. Тогда я поднял лишь последний тост за Снеддона, сославшись на то, что он сидел рядом с очаровательной племянницей Н.И. и мог поэтому подождать (я считал неприличным чувствовать последним действительно наименее авторитетного гостя).

Только один раз у Николая Ивановича промелькнуло недоверие ко мне. В конце 60-х – начале 70-х годов возникла острая, вызванная личными симпатиями и антипатиями, дискуссия вокруг работ В.З.Партона по теории упругости и механике разрушения. И вот, однажды, по приезде в Москву, Н.И. встречает меня впервые строгим взглядом, без тени свойственной ему улыбки, и спрашивает, как я мог подписать от его имени положительный отзыв об одной из работ Партона. Я ответил, что об этом и речи не могло быть, я такого отзыва и в глаза не видел. Лицо Н.И. расплылось в улыбке. “Я тоже считал, что Вы этого сделать не могли, – сказал он, – но мне на Вас наговорили”.

Интересы своих тбилисских и московских сотрудников и помощников Николай Иванович всегда защищал. Даже попытки вмешательства в дела Национального комитета по механике со стороны “директивных органов” неукоснительно пресекались им – в форме крайне мягкой, но безапелляционной. Так, однажды была предпринята попытка отстранить меня “неконституционным” образом от дел в

нашем Национальном комитете именно через эти органы. На соответствующее представление, сделанное Николаю Ивановичу в Отделе науки ЦК, он отреагировал только спокойным замечанием, что я занимаю выборную должность и ничего тут не поделаешь.

На протяжении многих лет я регулярно встречался с Николаем Ивановичем во время его приездов в Москву и моих частых поездок к нему в Тбилиси. Поездки эти, как правило, не вызывали возражений в Институте проблем механики. Но однажды директор института А.Ю.Ишлинский, с которым у меня были в тот период неровные отношения, попытался отказать мне в командировке, мотивируя это тем, что ему непонятно, зачем мне лететь в Тбилиси. Я объяснил, что систематически встречаюсь с Н.И. для обсуждения текущих дел Национального комитета, но Александр Юльевич решил тут же позвонить Н.И. и спросить его, зачем я ему нужен. Я не слышал ответа Николая Ивановича, но из реакции А.Ю. понял, что Н.И. сказал ему, что не знает, какие именно вопросы надо сейчас решать, но раз я собрался в Тбилиси, значит, у меня есть в этом нужда. Изобразив снисходительность к моей "необоснованной" просьбе, Ишлинский санкционировал командировку.

Крайне ответственно и щепетильно относился Николай Иванович к своему личному научному творчеству. Число опубликованных его работ невелико, и все они предельно отшлифованы. Невозможно себе представить, чтобы Н.И. поставил, как это сейчас широко принято у многих высокопоставленных ученых, свою фамилию, в качестве автора или соавтора, на какой-либо доклад или научную статью, подготовленные его учениками или помощниками. Все корректуры Н.И. читал всегда сам; в более молодые годы каждый раз при чтении корректур он проверял и всю библиографию *de visu*. Вспоминаю, как он расстроился, когда при последнем переиздании своей монографии по теории упругости доверил сравнительно молодому и, безусловно, грамотному Г.И.Баренблатту внести в свой текст незначительную редакционную правку с целью модернизации изложения. Последний, как он говорил позже, передоверил эту работу своему сотруднику. При окончательном чтении верстки Н.И. обнаружил, что его текст был местами испорчен, и он ликвидировал на этом последнем этапе всю внесенную правку. При переиздании монографии по сингулярным интегральным уравнениям в 1968 г. находящийся уже в преклонных годах Н.И. показал мне последнюю корректуру библиографии к ней. Когда же я посоветовал ему внести ряд уточнений, он безоговорочно все их принял и немедленно поручил издательству внести сверхнормативную правку за авторский счет.

К сожалению, взаимоотношения между учеными, даже очень крупными, не всегда идеальны. Свои обиды Николай Иванович обычно от окружающих скрывал. Со мной он бывал, однако, иногда откровенен. Так, я помню его обиду на Л.И.Седова, когда последний поступил бестактно, не предложив в 1964 году оставить Н.И. на второй срок в составе Бюро ИЮТАМа, предвидя, что при этом он сам войдет в состав Бюро. В результате Седов оставался в составе Бюро в течение 20 лет (1964–1984), так что ИЮТАМ был вынужден, для исправления создавшейся ситуации, специально изменить свой устав, ограничив срок пребывания ученых в составе Бюро.

Перед очередным отчетно-выборным собранием Национального комитета по механике в 1972 г. среди группы членов комитета возникли острые и не слишком принципиальные трения. При исключительной внутренней порядочности Николая Ивановича это было воспринято им как недостаток его руководства – неспособность справиться с эмоциями своих младших коллег, и он решил подать в отставку, о

чем и сообщил в частной беседе М.В.Келдышу. Тогда Келдыш взялся сам провести отчетно-выборное собрание, которое было создано в конференц-зале Президиума АН СССР. Отчет о деятельности комитета был единодушно одобрен. Никто не решился сделать какие-либо замечания в присутствии Келдыша, несмотря на неоднократные предложения председательствующего высказываться. После утверждения отчета Н.И. снял свою кандидатуру с выборов на следующий срок. Однако Келдыш публично обратился к нему от себя лично и от имени всех присутствующих с просьбой остаться председателем комитета. Эту просьбу Н.И. уважил, и инцидент был исчерпан.

Замечательно, что, спускаясь после заседания по парадной лестнице здания Президиума Академии наук, я услышал, как один из уважаемых мной ученых жаловался собеседнику на то, что на заседании не дали никому высказаться, “а ведь есть так много требующих решения проблем” (никогда не повышавшего голоса М.В.Келдыша боялись все, даже и самые бойкие скандалисты!).

По отношению к людям, даже враждебно к нему настроенным, Николай Иванович вел себя неизменно корректно. Так, он оставался всегда внешне лоялен даже к известному и талантливому ученому-механику А.А.Ильюшину, который в мрачные годы торжества лысенковщины сравнивал плоскую задачу теории упругости – основную область работ Н.И. – с “менделизмом-морганизмом”. Вспоминаю еще одного видного грузинского математика – В.Д.Купрадзе, постоянного оппонента Н.И. Последний санкционировал выдвижение этого ученого на одну почетную должность, чем вызвал мое удивление. “Пусть он получит удовлетворение от этого назначения, – пояснил мне Н.И., – а мне это не мешает. Лучше я поддержу его, чем он будет говорить, что я его преследую”.

Принадлежавший к старой грузинской дворянской семье Мухеловых (как они числились в сенатском департаменте герольдии) и воспитанный еще в дореволюционном обществе, Николай Иванович был галантным кавалером и неизменно пользовался благорасположением дам. Он был всегда внимателен к женщинам на работе и ценил как их труд, так и изящество. “Красота – это дар природы, – говорил он, – так же как и какой-нибудь талант. Но почему за талант в работе официально доплачивают, а за красоту нет? Это несправедливо!”

Николай Иванович был прост в жизни, любил небольшое застолье и мягкую шутку. Круг его близких друзей был не широк, но постоянен. В Москве он часто навещал М.В.Келдыша, был близок с М.А.Лаврентьевым, который уступал ему всегда свою московскую “вице-президентскую” машину. В гостинице “Москва” я неоднократно видел у него президента Армянской Академии наук академика В.А.Амбарцумяна (выросшего, кстати, тоже в Тбилиси).

Как настоящий грузин, Н.И. всегда выпивал стакан-другой вина за обедом. При этом он довольно много курил. Однако в последнее время заботливая жена – Рузанна Фадеевна, которой Н.И. старался подчиняться, стала его в этом ограничивать. Впрочем, сам он считал, как и многие врачи, что в 80 лет уже поздно менять привычки и образ жизни. Поэтому в эти годы, когда к Н.И. приходили его ученики (особенно часто я встречал у него дома Г.Ф.Манджавидзе) он выпивал тайком от жены лишнюю рюмку и прятал себе в карман пару “контрабандных” сигарет.

В последние годы, когда Н.И. отошел от руководства Грузинской Академией наук, передав его своему ближайшему ученику академику И.Н.Векуа, у него едва ли не впервые в жизни появился досуг. Он любил отдыхать, читая французские романы. Когда при очередном моем посещении Н.И. в Тбилиси весной 1976 г. мы

разговорились о не слишком большой, но изысканной его научной библиотеке и о моих занятиях историей науки, он пообещал подарить мне редкую монографию П.Дюэма об истоках статики, но добавил, что должен сначала ее еще раз перечитать, так как просматривал ее лишь полвека тому назад. Но Н.И. так и не успел дочитать заново Дюэма. Эта книга хранится теперь, вместе со всей научной библиотекой Н.И., в посвященном ему специальном музее в Тбилиси. Но за несколько лет до этого Николай Иванович подарил мне с соответствующей надписью три тома известных “Писем” Эйлера к немецкой принцессе, изданных в Петербурге на французском языке в XVI-II веке. Книги эти были подарены им когда-то его первой, рано скончавшейся жене, посвящение которой – на грузинском языке – также хранит их титульный лист.

Кончина Николая Ивановича наступила внезапно 15 июля 1976 года (от разрыва недиагностированной аневризмы), и я хорошо помню полную растерянность моих сотрудников, когда мне позвонили днем от М.В.Келдыша с сообщением о том, что Николай Ивановича больше нет с нами.

Грузинский обычай требует нескольких дней прощания с покойным у него дома, и близкие посещают его дом несколько раз до похорон. Я вынужден был использовать все доступные возможности, чтобы достать в тот летний день билет на ближайший самолет в Тбилиси. Ведь надо было прилететь, по крайней мере, накануне похорон, чтобы попрощаться с Николаем Ивановичем у него дома. Помню, что прямо из аэропорта я поехал вечером на проспект Ильи Чавчавадзе, где жил Н.И. Вокруг дома и на лестнице стояла большая толпа народа, и в этот момент подъехал кортеж машин с тремя руководителями республики, включая Э.А.Шеварднадзе, приехавшими также для прощания с Николаем Ивановичем. Меня подтолкнули друзья, и я поднялся в квартиру Н.И. по заполненной людьми лестнице непосредственно вслед за начальством. Выразив соболезнование вдове и сыну Н.И., я преклонил колено у гроба. Пока я спускался вниз по лестнице, “беспроволочный телеграф” уже передал об этом моем поступке, и мои грузинские друзья высоко оценили его. На следующий день в большом, убранном преимущественно в бледно-зеленые тона зале Грузии, вместе со всей отечественной наукой, попрощалась со своим замечательным сыном. Еще из Москвы я заказал, через моих тбилисских коллег, красивый венок от Национального комитета, который уже стоял в зале. Поднявшись, как представитель Москвы, на возвышение для почетных гостей, я встретил пронзительный взгляд Э.А.Шеварднадзе, уже второй раз сталкивавшегося с неизвестным ему бородатым субъектом высокого роста (очевидно, никто из его ближайшего окружения не знал, кто я такой).

Через несколько лет в городе был установлен памятник Николаю Ивановичу.

Столетие со дня рождения Н.И.Мусхелишвили торжественно отмечалось в Тбилиси в июне 1991 года при участии президента Грузии Звиада Гамсахурдиа. К юбилейным торжествам был приурочен Международный симпозиум по механике сплошной среды и родственным вопросам анализа. В нем принял участие и прилетевший в Тбилиси мой друг Райнер Радок, с которым мы представили совместный доклад “О месте Н.И.Мусхелишвили в мире науки и математики”.

Прах Николая Ивановича покоится в национальном пантеоне Тбилиси у церкви св. Давида на одноименной горе (Мтацминда), возвышающейся над городом. Память о Николае Ивановиче сохранится на века, доколе будут стоять эти грузинские святыни.

Некоторые штрихи к неофициальному портрету Л.И.Седова

Мне довелось сотрудничать с Леонидом Ивановичем в течение свыше полувека в Реферативном журнале “Механика” и в Национальном комитете СССР по теоретической и прикладной механике. Ниже описаны некоторые, по разным причинам более ярко запомнившиеся мне, хотя и второстепенные, контакты с Л.И.Седовым. По “классической” традиции воспоминания о юбиляре приводятся в ключе “Я и юбиляр”.

При организации в 1952 году Реферативного журнала Л.И., назначенный его главным редактором, пригласил меня – по рекомендации П.Я.Кочиной – к сотрудничеству в редакции. Будучи инженером по образованию, я защитил к тому времени кандидатскую диссертацию по гидродинамике грунтовых вод, и Пелагея Яковлевна взяла меня к себе в Институт механики. Относясь ко мне вполне положительно, Л.И., тем не менее, называл меня тогда часто “сотрудником без высшего образования”, считая настоящим высшим образованием только университетское.

В 1960-х годах я часто бывал с Л.И.Седовым вдвоем в зарубежных командировках. Бывали забавные случаи. Валюты Академия наук выдавала нам на поездки ничтожно мало, и мы экономили на всем, чтобы купить за границей какие-нибудь подарки для своих близких (в Советском Союзе ведь ничего интересного тогда купить было невозможно!). Естественно, мы брали с собой “сухой паек”, чтобы не тратиться на еду. Вспоминаю одно из возвращений из Франции. Мы сидим в парижском аэропорту и ждем посадки, примерно через час нас будут кормить в самолете. Голодный академик обращается ко мне: “Г.К., а у Вас еще что-нибудь поесть осталось?”. Я отвечаю: “Есть один плавленый сырок”. “Давайте, очень есть хочется”. В другой раз готовимся к регистрации на самолет, вылетающий в Москву из ФРГ. Ввиду большого объема и веса покупок боимся за излишний вес багажа и распахиваем все по карманам костюмов и пальто. Становимся нелепо толстыми. Сдаем чемоданы, и выясняется, что мы перестарались: они весят меньше разрешенной нормы. Мы в страшном расстройстве: идти с дико набитыми карманами страшно неудобно и некрасиво.

Поездки за границу по линии Международного союза теоретической и прикладной механики (ИЮТАМ) были сопряжены и с другими “тонкостями”. В частности, ИЮТАМ всегда оплачивал Л.И.Седову, как члену Бюро Союза, часть расходов, которые мы формально должны были сдавать в Академию наук после нашего возвращения, иногда получали какое-то вспомоществование и другие члены делегации (отвечал за всю финансовую отчетность, конечно, я). На самом деле, часть полученных или “сэкономленных” денег мы утаивали, и они делились между членами делегации. Однажды небольшая делегация возвращалась из ФРГ, а Седов должен был ехать дальше в Данию. Мы разделили “выручку”, но Седову я выделил значительно больше денег, чем остальным, так как у него еще предстояли дальнейшие расходы. Один из членов нашей делегации – новосибирский профессор И.А.Кунин – остался этим очень недоволен (хотя я мог ему и вовсе ничего не выделять). В результате, возвращаясь через Москву, он пожаловался на меня Г.И.Баренблатту, который, в свою очередь, довел об этом до сведения С.Г.Бахтурина – в то время официального, не “засекреченного” куратора Института проблем механики по линии КГБ, которого мы все в институте (особенно в секретариате Национального комитета) хорошо знали. Последовал “допрос”: откуда взялась дополнительная валюта. “Компетентные органы” беспокоило, не подкармливают ли Седова по своим

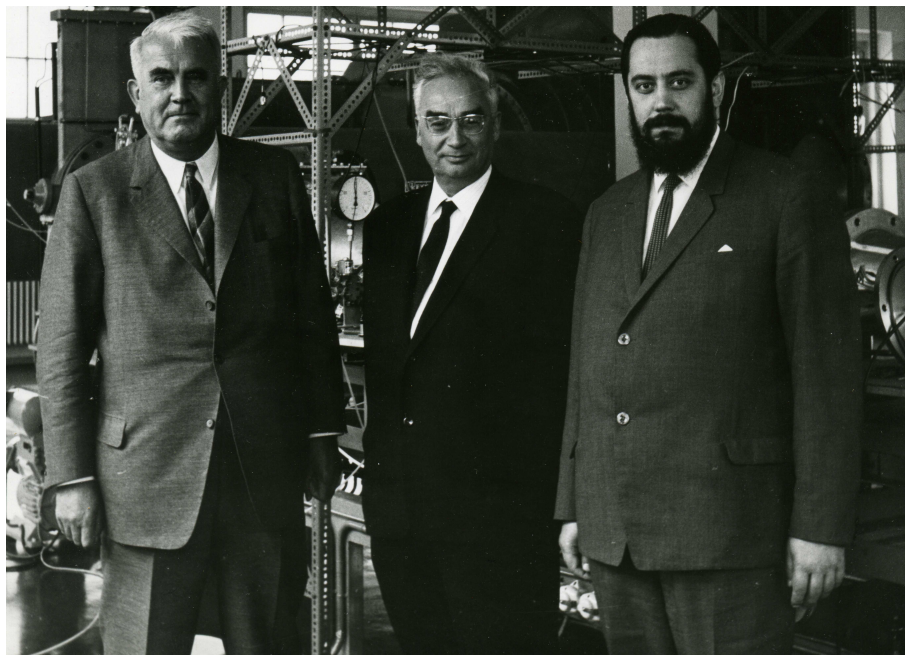
каналам западные спецслужбы. Выяснив, что это были “честно заначенные” деньги, Бахтурин успокоился и дальнейшего хода этому делу не дал. (Впоследствии я встретил на каком-то международном конгрессе за границей И.А.Кунина, к тому времени эмигрировавшего в США, и – специально в присутствии иностранцев – посетовал на его донос, едва не приведший меня к конфликту в КГБ).

Леонид Иванович в молодости и в зрелом возрасте любил быструю езду. Возвращаемся мы с ним (то ли с дачи, то ли из МГУ), направляясь в Президиум Академии наук: я на “Москвиче”, он за рулем – на “Волге”. Мне удастся обогнать его, и мы на бешеной скорости несемся по Ленинскому проспекту. На пересечении с улицей Стасовой перед нами загорается красный светофор. Я торможу и, проскрежетавав со страшным визгом несколько десятков метров, останавливаюсь посередине перекрестка. Подходит инспектор, которому я говорю, оправдываясь, что следовавшая за мной машина проехала под красный свет. “Это же оперативная машина!” – возражает инспектор. Я ему объясняю, что я с академиком ехал наперегонки, и вот он теперь меня обогнал. Тогда времена были еще “мирные”, и инспектор меня отпустил. По приезде в Президиум АН я рассказываю о моей беседе с инспектором. “Это что!” – говорит Л.И. – “Вот раньше мы с Келдышем по дороге из ЦАГИ наперегонки ездили”.

К 60-летию Леонида Ивановича его представили к присвоению звания Героя Социалистического Труда. Как настоящий мужчина, он имел не только поклонников, но и недругов, и, конечно, волновался, не будучи уверен, что это награждение состоится. Накануне его 60-летия у меня дома гости. Поздно вечером раздается телефонный звонок, звонит Нагуш Хачатурович Арутюнян, исполнявший в тот момент, как председатель Президиума Верховного Совета Армении, обязанности председателя Президиума Верховного Совета СССР. Он сообщает мне, что только что подписал грамоту о присвоении Л.И.Седову звания Героя, принесенную ему после сбора положенных виз Политбюро, и разрешает сообщить об этом Леониду Ивановичу. Сам он звонить Седову не будет, так как завтра пошлет ему поздравительную правительственную телеграмму. Я звоню Л.И. и поздравляю его “с высокой правительственной наградой”. “С какой?” – спрашивает он. “С присвоением Вам звания Героя Социалистического Труда”. “Так ведь это еще не решено!”. “А мне только что звонил Арутюнян и сказал, что уже подписал соответствующую грамоту”. Л.И. переспрашивает, так ли все это, и остается очень доволен. Замечательно, что звезду Героя он практически никогда не надевал, но носил с собой всегда в кармане, “на всякий случай”. Помню, возвращаемся мы с ним в 1970-х годах из Киева. Тогда высшим шиком было привезти в Москву из Киева “Киевский торт”, который и в Киеве не всегда легко было добыть. Идем мы по Крещатику и видим приличного вида кондитерскую. Перед входом в нее Л.И. достает из кармана (кажется, брючного) Звезду, привинчивает ее, и мы входим: торты обеспечены!

По-видимому, летом 1957 года Л.И.Седова назначили заведующим отделением механики механико-математического факультета МГУ. В числе его первых действий было отстранение И.А.Тюлиной от чтения курса истории механики, который она единолично вела после смерти Н.Д.Моисеева (1955). В середине сентября Л.И. позвонил и предложил мне взяться за чтение этого курса для студентов-механиков 5-го курса. Ни программы, ни учебников по этому курсу не существовало. Единственно, что я попросил, – это начать чтение со второй лекции, чтобы хоть как-то успеть

подготовиться. Обиженная Тюлина, активно поддерживаемая парткомом факультета, попыталась отстранить меня от чтения лекций.

Г.Шлихтинг, Л.И.Седов и Г.К.Михайлов в Аэродинамической лаборатории (Гёттинген. 1967)

Вызвал меня бывший тогда деканом академик А.Н.Колмогоров, чтобы “познакомиться”, и спросил, какое отношение я имею к истории механики. Я рассказал о моей совместной с академиком В.И.Смирновым работе над архивом Эйлера, что его вполне удовлетворило. Однако в дальнейшем Тюлина добила все же через партком отстранения меня – беспартийного от чтения этого “идеологического” курса. Л.И. защитить меня не смог. Но Тюлина этой истории не забыла: поносила меня на закрытом факультетском партсобрании за мой обзорный доклад по проблемам истории механики, прочитанный на IV Всесоюзном съезде по теоретической и прикладной механике (Киев, 1976), а в 1980 г. в письме секретарю ЦК КПСС М.В.Зимянину квалифицировала мои работы как “идеологически вредные”.

Леонид Иванович принял решающее участие и еще в одном моем столкновении “по партийной линии”.

В связи с моей близостью к Седову, некоторые члены Национального комитета, основательно поссорившиеся с ним, предприняли попытку отстранить меня от активного участия в работе Национального комитета. На одном из отчетно-выборных собраний, уже в 80-х годах, А.С.Монин, – по-видимому, по инициативе Г.И.Баренблатта – неожиданно потребовал созвать партгруппу Национального комитета (чего никогда за предшествовавшие 30 лет не было). Председательствовавший И.Ф.Образцов согласился с этим предложением, и партгруппа приняла – при закрытом обсуждении – предложение по составу президиума Национального комитета, не включавшее моей кандидатуры. В зале

заседаний во время работы партгруппы оставались немногие, в том числе и Л.И. После оглашения предложения партгруппы Л.И. спокойно предложил дописать в список для голосования и меня. Вопреки активному протесту А.С.Монина моя кандидатура была включена в список, и я прошел в состав президиума в числе первых по числу голосов, в то время как А.Ю.Ишлинский, тогда открыто поддерживавший моих недругов, едва прошел в самом конце списка. Так Л.И. помог мне в очередной раз. (С Александром Юльевичем мы впоследствии восстановили добрые, если не сказать – дружеские, отношения.)

В течение сорока с лишним лет моего сотрудничества с Л.И.Седовым претензия ко мне возникла у него только один раз. С 1964 по 1984 г. он оставался, по собственной инициативе, членом Бюро ИЮТАМа, нарушая тем самым традиции этого Международного союза, привыкшего к определенной ротации входящих в Бюро представителей национальных организаций. В результате Генеральная ассамблея ИЮТАМа сочла необходимым изменить устав Международного союза, ограничив срок пребывания ученых в составе Бюро восемью годами, и в 1984 году нашему Национальному комитету пришлось выдвинуть новую кандидатуру в состав Бюро (этой кандидатурой оказался, к неудовольствию Л.И., А.Ю.Ишлинский). По неизвестной причине Л.И. решил, что я имел какое-то отношение к принятию решения об ограничении срока пребывания ученых в Бюро ИЮТАМа, и в течение почти целого года он, без тени юмора, сообщал посещавшим его в Институте механики МГУ ученым, что Михайлов выгнал его из Бюро. Впрочем, на наших взаимоотношения это напрямую не отразилось, и вскоре “инцидент” был начисто забыт.

Леонид Иванович был непростым человеком, со своими личными симпатиями и антипатиями. Не всегда антипатии были объективно обоснованными. Так, например, он очень не любил выдающегося американского ученого-механика и историка механики Клиффорда Трусделла, претендовавшего на фундаментальное изложение основ механики сплошной среды и тем самым “конкурировавшего” с самим Седовым. К 275-летию со дня рождения Л.Эйлера была проведена серия юбилейных мероприятий, на одном из которых был поставлен мой совместный с Седовым доклад о вкладе Эйлера в развитие механики. В подготовленном мной тексте доклада Л.И. потребовал вычеркнуть упоминание о Трусделле – крупнейшем знатоке механики Эйлера. Однако в совместной с Седовым и коллегой из ГДР статье мне удалось имя Трусделла сохранить. Трусделл, получив от меня оттиск, выразил удивление по поводу того, как мне удалось упомянуть его работы в статье с Л.И. (Трусделл был хорошо информирован о препятствиях, чинившихся Седовым при издании русского перевода его “Первоначального курса рациональной механики сплошных сред”).

Говоря о Леониде Ивановиче, трудно не упомянуть об омрачавшей в 80-х годах обстановку в широких кругах ученых-механиков ожесточенной дискуссии между Л.И. и А.Ю.Ишлинским о силах инерции. Боюсь, что горячность Л.И. была обусловлена тогда не столько и не только природой сил инерции, а еще и сложными личными отношениями с Ишлинским, с которым он когда-то (до выборов последнего академиком) был вполне дружен.

В ноябре 1987 года отмечалось 80-летие Леонида Ивановича, и в связи с этим была созвана международная конференция, в которой приняли участие многочисленные зарубежные ученые-механики. На день рождения Л.И. – 14 ноября для участников конференции и гостей был заказан грандиозный банкет в ресторане “Мир” (в здании СЭВа). Среди приглашенных иностранцев помню неопременного секретаря Парижской

академии наук Поля Жермена, румынского профессора Кайюса Якоба с женой, итальянца Диониджи Галлетто, с которыми я много беседовал. Все собрались в холле ресторана, а Л.И. все не было, и его не удавалось нигде найти по телефону. Ожидание затянулось более чем на час. Наконец, появился Седов. Проходя мимо меня, он коротко бросил мне: “Берите ведение банкета целиком на себя, я сам уже ничего не могу”. Как выяснилось, когда он собирался дома на торжественный вечер, у его жены Гали Васильевны, одевавшей уже парадное платье, случился инсульт, и Леонид Иванович вынужден был вызвать “скорую помощь” и сопроводить ее в больницу (к тому же, впопыхах Л.И. еще и забыл вставить свой зубной протез). Мне неожиданно пришлось вести стол на русском и английском языке, да еще переводить на русский произносившиеся на французском языке речи.

Попытки Леонида Ивановича найти себе, после смерти Гали Васильевны, спутницу жизни на оставшиеся годы не увенчались успехом. В начале 90-х годов он сблизился с очень милой женщиной – Еленой Анатольевной Иваницкой, обеспечившей ему прекрасный уход и поддерживавшей его в отличной форме. Однако недоверчивость Л.И. привела к распаду этого альянса. Я выразил ему тогда мое сожаление по этому поводу.

В последние годы жизнь овдовевшего Леонида Ивановича была, к сожалению, неустроенной: дома он был одинок и лишен должного ухода. Питался, в основном, хранившимися в холодильнике обедами, которые ему приносили раз или два в неделю из университетской столовой. Стало грустно навещать его. Одним из последних “светских” выходов Л.И. было посещение им в феврале 1999 года моего юбилейного банкета в ВИНТИ. Однако приехавшая помочь ему собраться Тоня Державина не смогла найти в его квартире даже приличной одежды и привезла его на банкет в чуть прикрытой пиджаком разорванной рубашке.

Гражданская панихида и похороны Леонида Ивановича состоялись 9 сентября 1999 года в высокоторжественной и, вместе с тем, трогательной обстановке при стечении сотен людей. Прощание проходило в главном корпусе Московского университета на Ленинских горах и на Троекуровском кладбище. Согласно православному обряду, на лоб покойного был положен молитвенный венчик.

О моей ранней общественной деятельности

Война застала меня в 1941 году закончившим только четыре класса начальной школы, и дальнейшее мое беспорядочное школьное обучение пришлось на военные годы, проведенные в эвакуации в Ташкенте. В результате я попал в институт, можно сказать, в детском возрасте – в 14 лет. Поэтому я был в то время оторван от окружавших меня сокурсников и даже не был охвачен практически обязательным для молодежи моих лет комсомолом.

Общественная моя деятельность в Московском гидромелиоративном институте, в который я поступил в 1943 г. в Ташкенте, ограничивалась активным участием в работе организованного нашим курсом Студенческого научного общества, руководителем которого был мой однокурсник, будущий академик Олег Федорович Васильев.

К традиционной для советского времени общественной работе я был привлечен сразу же после поступления в 1951 году на работу в Институт механики Академии наук СССР, куда меня пригласила после окончания аспирантуры Пелагея Яковлевна Кочина. Сначала я был избран профоргом отдела гидродинамики, но вскоре попал в институтский местком и был затем в течение почти десяти лет председателем

месткома. На этом посту я проявил, может быть, по молодости значительную независимость и твердость в принятии решений.

В 1953 году директором Института механики стал член-корреспондент АН СССР Алексей Антонович Ильюшин – в прошлом, безусловно, высокоталантливый ученый-механик. К сожалению, с середины 50-х годов он был сильно развращен активной поддержкой ЦК КПСС, в 1951–1959 гг. он избирался депутатом Верховного Совета РСФСР (в 1951–1956 гг. был заместителем его председателя), в 1950–1952 гг. был ректором Ленинградского университета. В роли директора Института механики А.А.Ильюшин проявил себя властным, не терпящим возражений руководителем, вызвав отрицательные эмоции у многих ученых-механиков как внутри института, так и вне его. Будучи председателем месткома института, я также часто остро конфликтовал с А.А.Ильюшиным.

Приведу только один пример. В функции профсоюзов входило в те годы рассмотрение злободневных вопросов о распределении выдаваемой институтам жилплощади. Очевидно, в большинстве случаев вопрос решался дирекцией при естественной поддержке партийной организации, а местком лишь молчаливо визировал эти решения. В нашем институте, как и во всех других академических учреждениях, была утвержденная очередь на получение жилплощади. И вот, я узнаю, что Ильюшин решил выдать очередную поступающую квартиру своему протеже, в обход существующей очереди. Я немедленно собираю заседание месткома, и поддерживающий меня местком выносит, по моему же предложению, постановление запретить председателю месткома подписывать какие-либо документы о распределении жилплощади без предварительного одобрения на заседании месткома. Буквально на следующий день, или, может быть, через день меня вызывает Ильюшин и предлагает завизировать письмо о выделении поступившей жилплощади своему ставленнику. Я спокойно говорю, что не могу этого сделать, поскольку это запрещено мне постановлением месткома. Можете себе представить реакцию всевластного Ильюшина, прекрасно понимавшего, что провести его предложение на месткоме будет невозможно, в то время как письмо без визы месткома не имело силы.

Кадровую политику А.А.Ильюшина продемонстрирую на одном примере. Ученым секретарем он пригласил хорошо ему знакомого Ивана Сергеевича Герасимова. Об уровне его "учености" говорит следующий случай. Летом 1956 г. я был командирован в Ленинград, за неимением в институте более сведущих в деле специалистов, в НИИ им. А.Н.Крылова на конференцию по строительной механике и гидромеханике корабля. По возвращении в Москву я счел нужным доложить об этом ученому секретарю. Он меня стал расспрашивать о тематике конференции, на что я ему довольно невразумительно рассказал о проблемах кавитации, которыми занимались и у нас в институте. В заключение он меня спросил, не обсуждался ли на конференции вопрос о том, как удастся современные военные суда держать на плаву. Озадаченный вопросом, я ответил ему, что это же основано просто на законе Архимеда. Реакция "ученого" секретаря была потрясающей: неужели наши тяжелые бронированные суда не тонут только согласно закону Архимеда? Впоследствии, после ухода Ильюшина из Института механики, я встретил случайно И.С.Герасимова в Государственном комитете по науке и техники, где он занимал какую-то чиновничью должность.

Обстановка в Институте механики привела к беспрецедентному решению Академии наук о создании, кажется, в 1958 г. высококомпетентной чрезвычайной комиссии для рассмотрения положения дел в институте. Председателем этой комиссии был назначен

влиятельный академик Н.И.Мусхелишвили, с которым я был тесно связан с 1956 г. по работе в Национальном комитете СССР по теоретической и прикладной механике. В результате я подал в комиссию официальную бумагу под заглавием “Мнение председателя месткома о положении дел в Институте механики АН СССР”, которая завершалась заключением о несоответствии А.А.Ильюшина должности директора.

Мои отношения с А.А.Ильюшиным и, само собой разумеется, безусловно его поддерживавшей парторганизацией института накалялись. На одном из закрытых партийных собраний было принято решение просить президента Академии наук А.Н.Несмеянова и секретаря Ленинградского райкома КПСС, к которому был приписан институт, перевести меня в какой-нибудь другой институт. И заместитель секретаря парторганизации Безклубенко оформил и лично передал это решение в оба адреса!

Как мне говорили друзья, на закрытых партсобраниях, мою профсоюзную деятельность открыто сравнивали с известными скандальными венгерскими событиями тех лет.

Естественно, моя “подрывная” профсоюзная деятельность в Институте механики была бы невозможна, если бы меня практически единодушно не поддерживал коллектив сотрудников (в том числе и комсомольцев!).

Надо сказать, что горком нашего Профсоюза просвещения, высшей школы и научных учреждений меня в моей борьбе с директором также полностью поддерживал. Однажды председатель горкома И.М.Кульчев даже приезжал на наше отчетно-выборное профсоюзное собрание. На каком-то этапе А.А.Ильюшин организовал написание направленной против меня погромной критики для одной из московских газет. Корреспондент, подготовивший статью, решил все же обезопасить себя и показал ее председателю горкома профсоюза. Последний, ознакомившись с проектом статьи, сказал, что имеет ограниченные возможности, но может твердо обещать, что в случае опубликования статьи этот корреспондент работать в газете уже никогда не будет. Статья так и не увидела свет!

Зимой 1958/59 года я поставил А.А.Ильюшина в затруднительное положение. Я зашел к нему в кабинет и сказал, что я уже давно возглавляю местком института и мне следовало бы поэтому вступить в КПСС. Однако, занимая заметное положение в коллективе института, я не считаю себя в праве подавать заявление о вступлении в партию без рекомендации директора института. Ильюшин оторопел, но не отказал, сказав что-то вроде того, что ему надо собраться с мыслями. Через некоторое время, встретив его в коридоре, я напомнил ему о его обещании, и он пригласил зайти к нему побеседовать. Задав мне какие-то пустяковые вопросы (о моих родителях, семье и т. п.), он, наконец, спросил меня напрямую о том, что я думаю о своем заявлении, поданном в комиссию академика Н.И.Мусхелишвили. Сославшись на то, что после того прошло уже несколько месяцев, я сказал, что не помню точных формулировок моего заявления. “Ну, а в целом, что Вы об этом думаете?” – спросил Ильюшин. “В целом все было написано там правильно”, – ответил я. На этом наше собеседование закончилось, и Ильюшин отказал мне, конечно, в рекомендации. Затеяв эту игру, мне уже некуда было отступать, и я обратился за рекомендациями к ряду моих старших коллег, решив все же подать заявление о вступлении в КПСС. У меня сохранились копии рекомендаций будущих академиков Ю.Н.Работнова и В.В.Румянцева. Третью рекомендацию дал мне, насколько я помню, симпатичный секретарь горкома профсоюза В.С.Андреев. Весной 1959 г. я подал заявление о

вступлении в КПСС в нашу парторганизацию. В сентябре партбюро “воздержалось” от поддержки моего заявления, но я его не забрал, и в октябре, на открытом партсобрании, мне было отказано в приеме в партию. Решение об отказе было принято почти единогласно, при одном воздержавшемся (профессор Г.С.Шапиро).

На этом же партсобрании А.А.Ильюшин задал мне один провокационный вопрос. Дело в том, что в самом конце июня 1959 г. проходили очередные выборы нашего месткома. Борьба между дирекцией и общественностью была острой, и многие “внешние” ученые живо интересовались ходом этой борьбы. Среди них был и академик Л.И.Седов. Он просил меня сообщить ему результаты выборов сразу же после подсчета голосов. Однако в этот день он должен был быть по какому-то торжественному случаю в гостях у академика И.М.Виноградова и попросил меня позвонить непосредственно домой к Виноградову и пригласить его (Седова) к телефону. Выборы показали полный провал ставленников дирекции: лишь один из них, причем умеренный, прошел в состав месткома. Доступный мне прямой телефон в институте был только у секретарши директора, которым я и воспользовался (секретарши уже не было на работе). На мой звонок к Виноградову ответил находившийся у него также в гостях М.А.Лаврентьев, который сказал, что Седов еще не приехал. Узнав же, кто звонит, с интересом стал расспрашивать меня об исходе выборов месткома, которые, как это не смешно, интересовали в создавшейся антиильюшинской обстановке многих ученых-механиков. Во время беседы с Лаврентьевым дверь в приемную директора на секунду открылась, в нее заглянул один из сотрудников, который и доложил о моем телефонном разговоре начальству. Естественно, что слушавший мою беседу сотрудник был совершенно уверен, что я говорил с Седовым – одним из “злейших врагов” Ильюшина да, к тому же, еще и беспартийным. Так вот, на открытом партсобрании Ильюшин задает мне вопрос: “А кому это Вы докладывали о результатах выборов в местком, сообщив, что в местком прошел только один чужак?”. Я со спокойной совестью ответил, что говорил “с вице-президентом Академии наук академиком Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым” (тогда очень влиятельным). Вслед за этим возникла пауза, напоминавшая финальную сцену гоголевского “Ревизора”, и разговор перешел на другую тему.

В те годы организацией зарубежных туристических поездок занимался Московский городской совет профессиональных союзов. Само собой разумеется, для оформления путевки необходимо было представить утвержденную райкомом КПСС характеристику-рекомендацию партбюро своего института. В 1957 г. я собирался в турпоездку в Египет, получил соответствующую рекомендацию, но поездка по каким-то причинам не состоялась. В начале 1960 г. мне неожиданно позвонили из горкома профсоюза и сообщили, что меня могут включить в тургруппу, выезжающую во Францию. Я ответил, что, конечно, не смогу получить в партбюро характеристику-рекомендацию. Однако мне было сказано, что это не моя забота, и меня отправят по старым документам. Вылет в Париж был назначен на 7 марта 1960 г. Накануне вечером я отнес в приемную райкома партии письмо, в котором я жаловался на ложные обвинения меня дирекцией и парторганизацией в неправильных, чуть ли не антисоветских, действиях месткома и сообщил, что “компетентные органы”, однако, не имеют против меня никаких материалов, поскольку я вылетаю теперь в Париж. Переполюх в партбюро Института механики возник, когда я уже был во Франции. Представитель партбюро заявил, что я вылетел по подложным документам, так как

партбюро необходимой для выезда за рубеж рекомендации не давало. Протест этот никакого действия, впрочем, не возымел.

Вернусь к комиссии Н.И.Мусхелишвили. Судьба ее заключения была сложной. Отказался подписать критическое заключение о деятельности А.А.Ильюшина только один член комиссии – представитель спецотдела президиума Академии наук. Однако положение Ильюшина оставалось острым. К его счастью, в декабре 1959 г. вышло постановление Совета Министров СССР “Об ограничении совместительства по службе”, согласно которому ученые не могли занимать два полнотавочных места. Ссылаясь на это постановление, Ильюшин отказался в 1960 г. от директорства в Институте механики, оставив за собой в качестве основного места работы кафедру теории упругости Московского университета, которую он занимал с 1946 г.

Вскоре после ухода А.А.Ильюшина из Института механики ко мне подошел в коридоре секретарь парторганизации Иван Сергеевич Цурков, который выразил сожаление по поводу случившегося со мной казуса и попросил снова подать заявление о вступлении в КПСС. Понятно, что я вынужден был это сделать, и в декабре 1960 г. был дружно принят кандидатом в члены партии. Любопытно, что и решение о приеме было принято при одном воздержавшемся (твердокаменном Безклубенко). Через год я автоматически стал полноправным членом КПСС.

Моя “яркая” общественная деятельность в Институте механики послужила причиной еще одного, последнего столкновения с начальством при закрытии Института механики и открытии в январе 1965 г. Института проблем механики. Инициатива создания нового института принадлежала, в значительной степени, Г.И.Баренблатту и Н.А.Талицких и была активно поддержана академиком А.Ю.Ишлинским, ставшим первым директором нового института (в течение недолгого времени его заместителем был Г.И.Баренблаттпроисхо). Провозглашенная цель создания нового института заключалась в организации разработки современных актуальных проблем механики, хотя скрытая цель создания нового института, вместо эквивалентной реорганизации Института механики, заключалась в возможности безболезненного отсева при этом нежелательных ученых. Разделение сотрудников Института механики на “агнцов”, подлежащих переводу в Институт проблем механики, и “козлищ”, этой чести не удостоенных, происходило в высокаторжественной обстановке. В расположенном в здании президиума Академии наук кабинете, предоставленном для этой цели М.А.Лаврентьевым, “тройка” в составе А.Ю.Ишлинского, Г.И.Баренблатта и Н.А.Талицких проводила собеседования с каждым приглашаемым сотрудником, высказывая свои суждения о его предстоящей работе. Когда дело дошло до меня, то мне было сказано, что меня возьмут в новый институт при выполнении мной трех условий: неучастие в руководстве общественной жизнью института, перевод меня в отдел информации к Н.А.Талицких и сосредоточение на научной работе в области теории фильтрации, без экскурсов в историю науки. Я отклонил все три условия, заявив, что участие в руководстве общественной жизнью института зависит не от меня, а от коллектива, работать в отделе информации я, как научный сотрудник, не намерен, а история науки останется в поле моих интересов. То обстоятельство, что я занимал тогда выборный пост ученого секретаря в возглавляемом Н.И.Мусхелишвили Национальном комитете СССР по теоретической и прикладной механике, при общеизвестном добром ко мне отношении Николая Ивановича, привело к тому, что в Институт проблем механики я все же был принят. И на следующий год я оказался даже в составе партбюро и

месткома, хотя и не занимался уже больше свойственной мне в прошлом активной “противоначалственной” общественной деятельностью.

В заключение стоит отметить, что при создании Института проблем механики за его бортом остались многие крупные, и не очень крупные, ученые “упраздненного” института ⁴. Так, бывшего директора “упраздненного” института видного аэродинамика А.А.Никольского со всем его отделом и будущего академика В.В.Румянцева приютил в Вычислительном центре АН СССР академик А.А.Дородницын.

Что касается “тройки”, стоявшей у создания Института проблем механики, то она вскоре распалась. Руководство рассорилось с Н.А.Талицких, которого начали в новом институте активно травить и травили до конца его жизни, а многогранный ученый Г.И.Баренблатт, оказавшийся крайне сложным в качестве администратора, не без давления райкома КПСС, вынужден был уйти из института менее чем через год. Напротив, Александр Юльевич Ишлинский, с которым у меня в последние годы его жизни сложились прекрасные отношения, успешно возглавлял Институт проблем механики в течение четверти века, создав ему блестящую репутацию.

К драматической истории защиты моей докторской диссертации

С конца 50-х годов и до середины 60-х годов я много времени посвящал разбору и приведению в порядок рукописного наследия Леонарда Эйлера, хранившегося в Архиве Академии наук СССР в Ленинграде, работая в течение этих лет месяцами в Ленинграде. К тому же, с 1959 года началась моя интенсивная работа по подготовке Всесоюзных съездов по теоретической и прикладной механике. Все это не оставляло мне времени на собственно исследовательскую работу в области истории механики, которая стала уже основным полем моих научных интересов. Я продолжал лишь спорадически знакомиться с научной литературой конца XVIII – начала XIX века, преимущественно малоизвестной.

Вероятно, в конце 1973 или в 1974 г. я систематически просматривал в фундаментальной библиотеке МГУ сейчас практически никому не известный, но очень интересный парижский полуреферативный журнал “Bulletin scientifique de la Société philomatique”. При этом я случайно наткнулся на заметку Пуассона “О движении системы тел в предположении переменности масс” (1819), в которой были выписаны уравнения движения системы тел переменной массы, которые принято было у нас тогда называть “уравнениями Мещерского”. Я был настолько поражен, что не поверил своим глазам, выписал содержащиеся в статье Пуассона уравнения и, вернувшись домой, проверил их и убедился в том, что это действительно “уравнения Мещерского”. Короткая заметка Пуассона была посвящена, собственно говоря, не столько самим этим уравнениям, сколько критике работы некоего Букуа, который получил незадолго до того эти уравнения (в несколько менее общей форме) с претензией на обобщение уравнений Лагранжа. Я бросился разыскивать работы графа Георга фон Букуа, а затем занялся тщательным изучением развития механики тел переменной массы и ракетодинамики на протяжении всего XIX века. При этом открылся колоссальный пласт совершенно забытой к нашему времени научной литературы (в частности, оказалось, что задача о вертикальном подъеме ракеты в

⁴Любопытно, что первым официальным документом, в котором упоминалось закрытие Института механики, было постановление о создании некоей комиссии “в связи с упразднением Института механики”.

поле силы тяжести предлагалась студентам Кембриджского университета в качестве упражнения в стабильном учебнике динамики точки уже в 1856 г.). Таким образом, были полностью перевернуты существовавшие до того представления о развитии этого раздела механики.

Отнесшийся с интересом к моим результатам А.Ю.Ишлинский разрешил опубликовать основную их часть в объемистом (106 стр.) препринте Института проблем механики АН СССР “К истории динамики систем переменного состава и теории реактивного движения (до начала второй мировой войны)” (декабрь 1974), а затем резюмирующую статью “К истории динамики систем переменного состава” в “Известиях” АН СССР (серия “Механика твердого тела”, 1975, № 5).

Зимой 1974/75 г. я выступил с серией докладов по итогам моих “открытий”, сначала на совместном заседании секций истории механики и истории авиации и космонавтики в Институте истории естествознания и техники Академии наук, а затем на семинаре В.В.Румянцева по аналитической механике (МГУ) и на семинаре А.Ю.Ишлинского, Д.М.Климова и Е.А.Девянина по механике систем твердых тел и гироскопов (Институт проблем механики Академии наук).

Крупнейший советский специалист по механике тел переменной массы и ее истории А.А.Космодемьянский сказал мне в декабре 1974 г., что он и представить себе не мог, что в этой области сегодня могут быть сделаны какие-либо открытия, и одобрил оформление моих работ в качестве докторской диссертации.

В октябре 1975 г. я послал экземпляр моего препринта генеральному конструктору В.П.Глушко, причем послал на какой-то официальный адрес, вовсе не предполагая, что препринт до него дойдет. Неожиданно в Институт проблем механики прибыл от В.П.Глушко фельдегерь, передав для меня его короткое письмо и одну из его брошюр. На бланке депутата Верховного Совета СССР он писал: “Благодарю Вас за присылку Вашего интереснейшего исторического исследования ‘К истории динамики систем переменного состава и теории реактивного движения’, 1974 г. Многое для меня оказалось новым. Невольно вспоминаешь поговорку, что новое это хорошо забытое старое. Желаю Вам успехов. Ваш В.Глушко”.

Поскольку мои результаты охватывали не только историю механики тел переменной массы, но и развитие ракетодинамики, я попытался опубликовать соответствующую статью и в журнале “Космические исследования”, главным редактором которого был Л.И.Седов. Однако Леонид Иванович всячески уклонялся от ее публикации. В результате я обратился к Л.И.Седову, едва ли не единственный раз в жизни, с письмом. Написал ему, что, вот, мои исторические исследования его не интересуют, а В.П.Глушко прислал мне даже письмо по этому поводу (и приложил фотокопию письма). Немедленно последовал телефонный звонок: “С каких это пор Вы со мной общаетесь по почте? Напечатаем Вашу статью”. Статья была направлена на рецензию В.П.Глушко и по его отзыву представлена к печати. Однако секретарь редколлегии журнала позвонил мне по телефону и попросил забрать статью из редакции, так как журнал не успевает своевременно публиковать даже новейшие результаты проводящихся в СССР космических исследований. Я ответил “уклончиво”, порекомендовав объяснить все это рецензенту и главному редактору журнала. В результате статья вышла в свет в 1976 г.

Институт истории естествознания и техники АН СССР, под энергичным давлением И.А.Тюлиной, мои статьи по этому поводу печатать не решался, так как Тюлина обвиняла меня в идеологически вредной и антипатриотической позиции, пытаясь,

к тому же, совершенно безграмотно опровергать некоторые приводимые мной бесспорные решения конкретных задач механики тел переменной массы.

Позволю себе отступление, чтобы объяснить отрицательное отношение ко мне И.А.Тюлиной. В 1957 г. Л.И.Седов, в качестве заведующего отделением механики механико-математического факультета МГУ, передал мне читавшийся ею после смерти Н.Д.Моисеева (1955) цикл лекций по истории механики для студентов 5-го курса. При активном содействии парткома университета Тюлина, однако, добилась через год возвращения ей этого “идеологического” курса от “беспартийного” Г.К.Михайлова. В 1961 г. И.А.Тюлина, совместно с Е.Н.Ракчеевым, издала “Очерки развития механики” их учителя Н.Д.Моисеева. Рукопись этого его сочинения неоднократно отвергалась “Гостехиздатом” и перерабатывалась. В результате книга была опубликована издательством МГУ лишь посмертно, под давлением секретаря парткома МГУ П.М.Огибалова, который был объявлен на титульном листе ее редактором. В 1962 г., по инициативе Н.А.Талицких, я напечатал в “Известиях Отделения технических наук АН СССР” обстоятельную рецензию на книгу Н.Д.Моисеева, подвергнув ее резкой критике. Попытки Тюлиной опубликовать где-нибудь свои возражения не увенчались успехом. Позже Тюлина обрушилась на мой пленарный доклад о современном состоянии и задачах истории механики, представленный на IV Всесоюзном съезде по теоретической и прикладной механике (Киев, 1976 г.). Опубликовать свою критику она снова нигде не смогла, но выступила с погромной “идеологической” критикой моего доклада на партийном собрании механико-математического факультета МГУ. Наконец, в 1977 г. я вынужден был дать весьма критический отзыв о рукописи И.А.Тюлиной “История и методология механики”, направленной мне на рецензию издательством МГУ (при выпуске этой книги в 1979 г. Тюлина была вынуждена учесть сделанные мной в рецензии конкретные замечания и, по-видимому, под давлением издательства, даже упомянула в предисловии, “сквозь зубы”, что ею “учтены некоторые замечания Г.К.Михайлова”). Такова история наших непростых отношений.

Вернемся, однако, к моей докторской диссертации. Возник вопрос о том, где мне ее защищать. А.Ю.Ишлинский предлагал представить ее в Институт проблем механики, но я неразумно уклонился от этого предложения, опасаясь отрицательной реакции входившего в состав институтского совета Г.И.Баренблатта, с которым у меня тогда были очень натянутые отношения. И я склонился к защите в совете МГУ.

Д.Е.Охочимский, к которому я обратился в связи с этим, тщательно продумав создавшуюся ситуацию, принял диссертацию к защите в своем совете. Моя диссертация на тему “Развитие основ динамики систем переменного состава и теории реактивного движения” публично защищалась 23 декабря 1977 г. Ввиду многоаспектности диссертации были назначены 4 официальных оппонента: В.П.Глушко, А.А.Космодемьянский, В.В.Румянцев и Г.Ю.Степанов. Все они дали абсолютно положительные отзывы. Однако параллельно возникла подковерная интрига, инициированная И.А.Тюлиной при поддержке парткома МГУ. В заседании совета против меня выступили только В.П.Демин, признавшийся мне позже, что на него было оказано давление, и сама И.А.Тюлина. В связи с тем, что В.П.Глушко, прислав положительный отзыв, сам на заседание совета не приехал, был назначен еще один оппонент – Ю.А.Архангельский. Было получено много положительных отзывов на автореферат, в том числе от Л.Г.Лойцянского, А.И.Лурье, Б.В.Раушенбаха и

В.И.Феодосьева⁵. В публичной дискуссии меня поддержали, в частности, Н.Н.Моисеев и Л.И.Седов. Тем не менее, результаты голосования склонились не в мою пользу. Единственный член совета, который попытался опротестовать решение совета, на основании того, что члены совета не высказывались против диссертации во время публичной дискуссии, был В.В.Белецкий. Но поскольку результаты голосования ему выписали на бумажке (он – абсолютно глухой) лишь спустя две-три минуты, уже после открытого утверждения протокола счетной комиссии, председательствующий Д.Е.Охоцимский протест Белецкого отклонил. После оглашения решения совета в холле зала заседаний И.А.Тюлиной был преподнесен большой букет цветов!

А.Ю.Ишлинский укорил меня позже в том, что я отказался от защиты в Институте проблем механики. “У нас такого бы произойти не могло”, – сказал он.

На этом закончился первый акт защиты. Все пять оппонентов письменно подтвердили, что в результате публичной защиты диссертации они не изменили данной ими ее оценки. Мои попытки добиться повторного рассмотрения диссертации в совете не увенчались успехом.

После этого мною была достигнута договоренность о новой защите диссертации в совете Ленинградского университета, председатель которого Н.Н.Поляхов отнесся ко мне весьма положительно. Формально диссертация была несколько дополнена в свете публичной дискуссии на первой защите и представлена под прежним названием. Защита состоялась 2 октября 1980 г. при официальных оппонентах А.Н.Боголюбове, Н.В.Бутенине и В.С.Новоселове. И.А.Тюлина не оставила своих стремлений провалить мою диссертацию и в Ленинграде, направив в совет соответствующий отзыв и предприняв в Ленинграде перед защитой попытки “обработать” кого-нибудь из членов тамошнего совета. Кроме того, за две недели до назначенного дня защиты, она направила письмо секретарю ЦК КПСС М.В.Зимянину с сообщением о предстоящей защите и предшествовавшем провале диссертации в Москве, объявив мою диссертацию “направленной ... на фактическое принижение роли отечественных ученых”, а все мои работы по истории механики “идеологически вредными”. Расчет был правильный: за две недели не разберутся, а защиту тем временем отложат. Но ВАК, куда было переслано из ЦК КПСС письмо Тюлиной, решил вернуться к этому вопросу уже после защиты.

В чем-то И.А.Тюлина преуспела. Так, ей удалось заморочить голову Н.В.Бутенину, убедив его в наличии в моей работе, по крайней мере, одной конкретной ошибки, о чем он и упомянул в первоначальном тексте своего отзыва. Объяснив своим ленинградским друзьям ошибку Бутенина, я обещал публично разгромить его. Кажется, Я.Г.Пановко передал об этом Бутенину, и Бутенин сообщил мне непосредственно перед началом заседания, что он официально вычеркнул свое замечание из отзыва, и настойчиво попросил меня, чтобы я об этом замечании на защите не говорил.

Предзащитная возня вокруг моей диссертации, однако, продолжалась. Перед защитой я встретился с влиятельным членом совета В.В.Новожиловым, который в

⁵В выпущенном через год учебном пособии “Основы техники ракетного полета” В.И.Феодосьев уже ссылался на разработку задач механики тел переменной массы в начале и середине XIX века, а Б.В.Раушенбах упомянул меня позже в своей посвященной Герману Оберту книге в связи с обсуждением “формулы Циолковского”. Упоминания Георга Букуа вскоре появились и в некоторых учебниках (М.М.Гернет, Л.Г.Лойцянский и А.И.Лурье), а его задачам были посвящены специальные исследования (Я.Г.Пановко).

целом относился ко мне положительно (однако было известно, что близкий к нему член совета Б.В.Филиппов собирается выступать против моей работы). На эту беседу я приехал к Новожилову вместе с его ближайшим учеником К.Ф.Черныхом, который по пути говорил мне о том, что он меня активно поддержит во время защиты. Однако, связанный, по-видимому, какими-то обещаниями, Новожилов сказал, что “его люди” проголосуют за меня, но они не будут выступать в мою поддержку. На обратном пути смущенный Черных виновато объяснял мне, что после этих слов шефа он выступать на защите не сможет. Впрочем, безусловно под давлением Новожилова, и Филиппов на защите не выступил.

Защита длилась около пяти часов. Единственным оппонентом, сделавшим многочисленные мелкие замечания, был В.С.Новоселов. Я демонстративно вежливо и подробно разъяснил все его сомнения, так что он вынужден был публично подтвердить удовлетворенность моими ответами. Критические замечания Тюлиной уничтожающе убийственно прокомментировал в своем весьма эмоциональном выступлении Н.Н.Поляхов. Результаты голосования оказались положительными: 12 “за” и 4 “против”.

Вслед за этим в Ленинградский университет поступило письмо из ВАКа с предложением рассмотреть на совете не обсуждавшийся на публичной защите диссертации полуотрицательный отзыв Е.Н.Ракчеева⁶ и письмо И.А.Тюлиной в ЦК КПСС, к которому был приложен ее отзыв на мой пленарный доклад на Киевском съезде по теоретической и прикладной механике. Я вынужден был дать развернутый отзыв по всем этим материалам и предстать перед специально назначенной комиссией совета, чтобы ответить на возможные вопросы. Процедура эта носила, по существу, формальный характер. 9 апреля 1981 г. совет подтвердил свое предыдущее положительное решение по моей диссертации, и 28 августа ВАК, наконец, присвоил мне ученую степень доктора физико-математических наук.

Я счел необходимым информировать об окончании моих мытарств В.П.Глушко, в ответ на что получил от него “правительственную” телеграмму: “Сердечно поздравляю присвоением ученой степени доктора физико-математических наук. Желаю Вам крепкого здоровья, дальнейших успехов. В.П.Глушко”.

Однажды, спустя два года, я пожаловался в личной беседе сэру Джеймсу Лайтхиллу на трудности в публикации в СССР моих работ по истории механики. Ознакомившись с одной из моих статей, он сказал, что понимает причину моих трудностей, обнаружил в статье новую для него информацию о развитии механики систем переменной массы в Кембриджском университете и предложил напечатать мой обзор по этой теме в одном из широко распространенных британских научно-популярных журналов. В результате моя статья “The Dynamics of Mechanical Systems with Variable Masses as Developed at Cambridge during the Second Half of the Nineteenth Century” увидела свет в 1984 г. в “Бюллетене” английского Института математики и ее приложений.

Впоследствии “Физматгиз” предложил мне издать на основе моей диссертации монографию, заключил со мной на этот счет договор и неоднократно продлевал его. Увы! По собственной неорганизованности, я достойную монографию так и не подготовил: “Но к лучшему стремлением своим хорошему мы иногда вредим!”

⁶Замечу, что в 1954 г. я выступал с резкой критикой Е.Н.Ракчеева – ученика Н.Д.Моисеева и сотрудника И.А.Тюлиной – при защите им в МГУ кандидатской диссертации по истории теории упругости в России.

FROM MY REMINISCENCES

All-Russian Institute for Scientific and Technical Information, RAS

Abstract. The author remembers his correspondence with two emigrated Russian scientists - D.P.Riabouchinsky (1882-1962) and S.P.Timoshenko (1878-1972), academician N.I.Muskhelishvili (1891-1976), personal contacts with academician L.I.Sedov (1907-1999), author's intensive public activities in the Institute of Mechanics of the USSR Academy of Sciences in the late fifties and early sixties, dramatic fate of his doctoral thesis in the Moscow and Leningrad universities.

Keywords: Hydrodynamics, elasticity, mechanics history, astronautics

Глеб Константинович Михайлов

доктор физико-математических наук, профессор Института научно-технической информации РАН, г. Москва

e-mail: gkmikh@mail.ru

Gleb Konstantinovich Mikhailov

doctor of sciences, professor of All-Russian Institute for Scientific and Technical Information, RAS, Moscow

Из истории Российского национального комитета по теоретической и прикладной механике¹

Российский Национальный комитет по теоретической и прикладной механике (ранее: Национальный комитет СССР) был учрежден Постановлением Президиума Академии наук 31 августа 1956 г.

Первоначальный состав Комитета был утвержден Президиумом Академии наук СССР в 1956 г. в количестве 48 человек. В последующем пополнение Комитета происходило путем (тайных) выборов на сессиях Общего собрания Комитета (в 1961, 1965, 1972, 1976, 1983, 1985, 1987, 1995, 2001 и 2006 гг.) и по переписке в 2004 г. В настоящее время комитет насчитывает 363 члена.

Председатели:

Н. И. Мусхелишвили	1956–1976
М. А. Лаврентьев	1976–1980
И. Ф. Образцов	1981–1995
Г. Г. Черный	1995–по настоящее время

ЧЛЕНЫ-ОСНОВАТЕЛИ (48) И СТАРЕЙШИЕ ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА (декабрь 2008)

Члены-основатели:

И. И. Артоболевский (09.10.1905–21.09.1977)
 Н. Х. Арутюнян (23.11.1912–19.01.1993)
 А. А. Благонравов (01.06.1894–04.02.1975)
 И. Н. Векуа (23.04.1907–02.12.1977)
 В. З. Власов (24.02.1906–07.08.1958)
 Л. А. Галин (28.09.1912–16.12.1981)
 Н. И. Глаголев (14.03.1910–01.12.1996)
 А. Л. Гольденвейзер (12.01.1911–12.01.2003)
 Н. Н. Давиденков (26.03.1879–29.09.1962)
 А. А. Дородницын (02.12.1910–07.06.1994)
 А. А. Ильюшин (20.01.1911–31.05.1998)
 А. Ю. Ишлинский (06.08.1913–07.02.2003)
 М. В. Келдыш (10.02.1911–24.06.1978)
 А. А. Космодемьянский (07.03.1909–08.12.1988)
 П. Я. Кочина (13.05.1899–03.07.1999)
 Е. А. Красильщикова (07.07.1911–25.05.1985)
 М. А. Лаврентьев (19.11.1900–15.10.1980)
 С. Г. Лехницкий (22.06.1909–10.09.1981)
 Л. Г. Лойцянский (26.12.1900–03.11.1991)
 А. И. Лурье (19.07.1901–12.02.1980)
 А. И. Макаревский (16.04.1904–11.05.1979)
 М. Д. Миллиончиков (16.01.1913–27.05.1973)
 Г. К. Михайлов (* 24.02.1929)
 Н. И. Мусхелишвили (16.02.1891–15.07.1976)

¹<http://www.ipmnet.ru/RNCTAM/> (дата обращения: 15.02.2009)

Х. М. Муштари (22.07.1900–23.01.1981)
 А. И. Некрасов (09.12.1883–21.05.1957)
 А. А. Никольский (13.02.1919–12.06.1976)
 В. В. Новожилов (18.05.1910–14.06.1987)
 В. М. Панферов (27.01.1916–16.10.1997)
 Г. И. Петров (31.05.1912–13.05.1987)
 Н. И. Пригоровский (01.04.1903–12.06.1988)
 И. М. Рабинович (22.01.1886–28.04.1977)
 Ю. Н. Работнов (24.02.1914–13.05.1985)
 Х. А. Рахматулин (23.04.1909–10.01.1988)
 Г. Н. Савин (01.02.1907–28.10.1975)
 Л. И. Седов (14.11.1907–05.09.1999)
 С. В. Серенсен (29.08.1905–02.05.1977)
 Н. А. Слезкин (22.11.1905–16.12.1991)
 В. В. Соколовский (17.10.1912–08.01.1978)
 Л. Н. Сретенский (27.02.1902–08.08.1973)
 В. В. Струминский (29.04.1914–22.02.1998)
 Г. В. Ужик (15.07.1908–16.07.1964)
 Ф. И. Франкль (12.03.1905–07.04.1961)
 С. А. Христианович (09.11.1908–28.04.2000)
 Н. А. Цытович (26.05.1900–26.04.1984)
 Н. Г. Четаев (06.12.1902–17.10.1959)
 К. Н. Шевченко (19.02.1904–23.07.1995)
 Б. Н. Юрьев (10.11.1889–14.03.1957)

Ныне здравствующие члены-основатели:

Г.К. Михайлов

Ныне здравствующие члены Комитета, избранные в 1961 г. (5):

Сергей Александрович Амбарцумян (* 17.03.1922)
 Григорий Исаакович Баренблатт (* 10.07.1927)
 Дмитрий Алексеевич Мельников (* 29.06.1925)
 Юрий Алексеевич Митропольский (* 03.01.1917)
 Горимир Горимирович Черный (* 22.01.1923)

Ныне здравствующие члены Комитета, избранные в 1965 г. (11):

Владимир Игоревич Арнольд (* 12.06.1937)
 Илья Израилевич Блехман (* 29.11.1928)
 Дюис Данилович Ивлев (* 06.09.1930)
 Александр Васильевич Кармишин (* 02.09.1912)
 Михаил Наумович Коган (* 07.11.1925)
 Николай Николаевич Красовский (* 07.09.1924)
 Григорий Александрович Любимов (* 23.06.1932)
 Давид Рахмилевич Меркин (* 18.09.1912)

Юрий Исаакович Неймарк (* 24.11.1920)
 Лев Васильевич Овсянников (* 22.04.1919)
 Юрий Петрович Райзер(* 26.01.1927)

Ныне здравствующие члены Комитета, избранные в 1972 г. (17):

Олег Михайлович Белоцерковский (* 29.08.1925)
 Олег Федорович Васильев (* 01.08.1925)
 Самвел Самвелович Григорян (* 18.03.1930)
 Александр Николаевич Гузь (* 29.01.1939)
 Юрий Андреевич Демьянов (* 01.08.1931)
 Васил Кабулович Кабулов (* 05.09.1921)
 Дмитрий Михайлович Климов (* 13.07.1933)
 Андрей Геннадиевич Куликовский (* 18.03.1933)
 Гурий Иванович Марчук (* 08.06.1925)
 Виктор Николаевич Николаевский (* 12.02.1935)
 Владимир Васильевич Панасюк (* 27.02.1926)
 Виктор Владимирович Русанов (* 02.11.1919)
 Владимир Васильевич Сычѳв (* 28.01.1924)
 Геннадий Петрович Черепанов (* 08.01.1937)
 Феликс Леонидович Черноусько (* 16.05.1938)
 Тимур Магомедович Энеев (* 23.09.1924)
 Юрий Львович Якимов (* 11.03.1931)

Старейшие члены Национального комитета:

Александр Васильевич Кармишин (* 02.09.1912) – 1965
 Давид Рахмилевич Меркин (* 18.09.1912) – 1965
 Георгий Сергеевич Бюшгенс (* 16.09.1916) – 1983
 Юрий Алексеевич Митропольский (* 03.01.1917) – 1961
 Игорь Михайлович Кирко (* 16.04.1918) – 1983